СССР И ЕВРОПА: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБРАЗЫ И ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ

USSR AND EUROPE: LITERARY IMAGES AND ARTISTIC CONNECTIONS

DOI 10.15826/izv2.2022.24.3.050
УДК 821.161.1-4 Иванов Г. В. + 82.09 + + 94(430)“19” + 910.4

Н. В. Барковская
Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия

ОЧЕРКИ Г. В. ИВАНОВА «ПО ЕВРОПЕ НА АВТОМОБИЛЕ»: ОБРАЗ ГЕРМАНИИ 1930-х гг.

Очерки Г. Иванова «По Европе на автомобиле», описывающие обстоятельства реальной поездки автора из Риги в Париж, имеют признаки жанра путевых записок или травелога. Теоретической основой при рассмотрении очерков Иванова является представление о травелогах как синтетическом жанре, существующем в множестве разновидностей. В рассматриваемых очерках описание путешествия перерастает в политический памфлет. Географический маршрут, топонимы, особенности уклада, архитектуры, бытовые подробности воспроизведены в очерках с документальной точностью. Однако основное содержание цикла — Германия 1930-х гг., охваченная идеологией фашизма. Эти центральные очерки карикатурны до гротеска. Сатирически обрисованы не только лидеры немецких, но и русских фашистов (Бермондт-Авалов, Вонсяцкий, Пельхау). Описывая историю РОНДа, фашиствующего союза русских эмигрантов, Иванов показывает причины, привлекавшие бедствующих эмигрантов в эту организацию: союз обещал своим членам защиту, давал иллюзию общего дела, соблазнял надеждой на возвращение в Россию. Позиция самого автора вполне однозначна — ему ненавистен фашизм, превращающий людей в послушную толпу, загипнотизированную речами вождей. Обрамляют очерки о Германии зарисовки приграничных городов и местечек: въезжает рассказчик через литовский Шавли, завершается описание путешествия прибытием на пограничный пост во Франции. Начало и конец цикла очерков перекликаются: и там, и там видны следы предыдущей войны, и там, и там несколько беспорядочный, но милый бытовой уклад, описанный с добрым юмором. Герой рад покинуть Германию. Однако от нации, охваченной пропагандой собственного величия, преисполненной воинственного духа, уже падает тень угрозы на близлежащие страны. Вместе с тем, давняя история герцога Бирона,

© Барковская Н. В., 2022
CC BY-NC

включенная в очерки, косвенно выражает авторскую надежду на то, что рано или поздно каждому всесильному деспоту придется расплачиваться за свои злодеяния.

К л ю ч е в ы е с л о в а: литература русского зарубежья; цикл очерков; путевые заметки; хронотоп дороги; травелог

Ц и т и р о в а н и е: *Барковская Н. В.* Очерки Г. В. Иванова «По Европе на автомобиле»: образ Германии 1930-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 3. С. 155–167. https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.3.050

Поступила в редакцию: 09.02.2022
Принята к печати: 24.06.2022

Nina V. Barkovskaya
Ural State Pedagogical University
Ekaterinburg, Russia

G. V. IVANOV'S ESSAYS *ACROSS EUROPE BY CAR*: THE IMAGE OF GERMANY IN THE 1930s

G. Ivanov's essays *Across Europe by Car* describing the circumstances of the author's real trip from Riga to Paris have signs of the genre of travel notes or travelogue. The theoretical basis the author uses to study Ivanov's essays is the idea of the travelogue as a synthetic genre existing in a variety of forms. In the essays the article examines, travel turns into a political pamphlet. The essays meticulously reproduce the itinerary, place names, peculiarities of the way of life, architecture, and everyday details. However, the main content of the cycle focuses on Germany in the 1930s seized by the ideology of fascism. The caricature nature of the sketches borders on grotesque. Not only the leaders of Germany, but also Russian fascists (Bermondt-Avalov, Vonsyatsky, Pelhau) are depicted satirically. Describing the history of the Russian National Liberation Movement, a fascist union of Russian emigrants, Ivanov shows the reasons that attracted poverty-stricken emigrants to the organisation: the union promised protection to its members, gave them the illusion of a common cause, and seduced them with the hope of returning to Russia. The position of the author himself is quite unambiguous — he hates fascism which turns people into an obedient crowd, hypnotised by the speeches of the leaders. Sketches about Germany are framed by sketches about border towns and villages: the narrator enters through Lithuanian Šiauliai, and the description of the journey ends with his arrival at a border post in France. The beginning and the end of the essay cycle echo each other: on both sides, there are visible traces of the previous war, and the two places share a somewhat disordered but charming everyday life which is described with good humour. The main character is happy to leave Germany. However, the nation engulfed in the propaganda of its own greatness, full of belligerence already casts a shadow of threat on the neighbouring countries. At the same time, the old story of Duke Biron recounted in the essays indirectly expresses the author's hope that every almighty despot will have to pay for his atrocities sooner or later.

K e y w o r d s: literature of the Russian diaspora; essay cycle; travel notes; road chronotope; travelogue

F o r c i t a t i o n: Barkovskaya, N. V. (2022). Ocherki G. V. Ivanova "Po Evrope na avtomobile": obraz Germanii 1930-kh gg. [G. V. Ivanov's Essays *Across Europe by Car*: The Image of Germany in the 1930s]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 24*(3), 155–167. https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.3.050

Submitted: 09.02.2022
Accepted: 24.06.2022

Очерки Г. В. Иванова «По Европе на автомобиле» можно квалифицировать как литературный травелог. Травелогам посвящена солидная исследовательская литература: книги А. М. Эткинда «Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах» [Эткинд] и Д. В. Бавильского «Невозможность путешествий» [Бавильский]; сборники научных статей под редакцией В. С. Кисселя [Беглые взгляды] и Т. И. Печерской [Литература путешествий...]; статьи И. О. Сида «"Власть маршрута": путешествие как фундаментальный антропологический феномен» [Сид] и О. В. Мамуркиной «Травелог в русской литературной традиции: стратегии текстопорождения» [Мамуркина] и др. Как указывает В. М. Гуминский, литературное путешествие — это текст, не только описывающий некие географические и культурные реалии, но и решающий «дополнительные» задачи: эстетические, политические, публицистические, философские [Гуминский, с. 314–315]. Травелог близок к дневниковому повествованию, находится на стыке документального и художественного нарратива, на пересечении нескольких литературных жанров. По замечанию В. А. Михайлова, в основе литературного путешествия лежит описание реального перемещения путешествующего героя, а также собственные мысли, чувства и впечатления, возникшие у повествователя в процессе путешествия, рассказ о событиях, происходивших в момент путешествия [Михайлов]. Справедливо утверждение Д. В. Бавильского о том, что каждый путешественник творит «собственные пространственные рисунки» [Бавильский, с. 348]. Эту синтетическую природу жанра травелога необходимо учитывать и при рассмотрении очерков Г. В. Иванова.

Цикл очерков Г. В. Иванова «По Европе на автомобиле» печатался в 1933–1934 гг. в популярной среди русских эмигрантов парижской газете «Последние новости». В цикле отразились впечатления писателя от поездки из Риги в Париж на автомобиле «Штутц» осенью 1933 г. Его маршрут пролегал из Латвии через «польский коридор» (в закрытом поезде, так как у Иванова был только нансеновский паспорт) в Германию и, наконец, Францию. В очерках в той или иной степени представлены Митава (сейчас Елгава (*Jelgava*), Латвия), Шавли (Шяуляй (Š*iauliai*), Литва), Тильзит (Советск, Россия), Шнейдемюль (Пила (*Piła*), Польша), Берлин и Потсдам, Гальберштадт (Хальберштадт (*Halberstadt*), Германия), Геттинген, очень кратко — дорога через Гарц, Бельгию, Арденны и французский пограничный пункт. Путевые очерки включают в себя зарисовки

природы и архитектуры отдельных мест, передают разговоры со случайными знакомыми. Вместе с тем, как показали М. М. Бахтин и Ю. М. Лотман, хронотоп дороги — это не просто физическое перемещение в пространстве (а Иванов уверяет, что на отдельных отрезках пути их машина ехала со скоростью 120 км/ч), это приобретение человеком нового жизненного опыта, определенный этап внутренней жизни. Маршрут поездки Иванова, занявшей 9 дней, будучи рассмотренным с внутренней, психологической стороны путешествующего субъекта, оказывается нелинейным: большую часть очерков занимает характеристика Германии 1933 г., после прихода к власти Гитлера, обрамляют немецкие впечатления картины Литвы и Франции. В центр цикла помещен очерк «От Пельхау до Скоропадского. История “Ронда” (письмо из Берлина)». Цель данной статьи — показать, что цикл Иванова не травелог, а политический антифашистский памфлет.

Следует отметить, что малая проза Г. Иванова изучена гораздо в меньшей степени, чем его поэзия или такие крупные вещи, как «Петербургские зимы», «Третий Рим». О. Е. Елагина, автор диссертации, посвященной поэтике «прозы поэта» Г. Иванова, отмечает, что даже не все прозаические произведения данного автора опубликованы [Елагина, с. 5]. Не попадали в поле зрения исследователей и очерки «По Европе на автомобиле». Судя по биографии Иванова, написанной В. П. Крейдом [Крейд, с. 270–277], и комментариям к публикации очерков Г. И. Мосешвили [1994], Иванов в описаниях соблюдает фактическую (историческую и топографическую) точность. В. П. Крейд даже сближает рижские очерки Иванова 1930-х гг. с русской и европейской традицией физиологического очерка. И для этого есть основания.

Путевые очерки точно воссоздают местный колорит. С юмором охарактеризована захудалая гостиница в Шавли, где на все просьбы коридорный, шмыгая носом, отвечает «Чичас», но ничего не делает, а миловидная девица в ресторане на вопрос, что можно поесть, отвечает: «А что вы желаете?», впрочем, оказывается, что имеются только огурцы и килька, но зато вечерний поезд привезет из Ковно сосиски [Иванов, с. 328][1]. По контрасту — опрятные, чистые немецкие гостиницы. Воссозданы интерьеры кафе, собраний, Митавского замка, замка барона Н. в Гарце. Особенно удаются Иванову описания архитектурных ансамблей (сказывается акмеистическая выучка). Например: «Потсдам — “прусский Версаль”. Монументальность, грузность, чопорный холод. При этом — полное отсутствие размаха, великодержавности: громоздко, но мелко, напыщенно, ничуть не величаво...» — это воплощение солдатской мечты о XVIII в., заключает автор (с. 354). В Потсдам Иванов приехал, чтобы послушать речь Геббельса — впрочем, не произведшую на него впечатления. Прекрасен ночной Гальберштадт:

> В небе торжественно плыла полная луна, освещая волшебный средневековый город <...> Один за другим вырастали перед глазами дома, один восхитительнее

[1] Далее номера страниц в этом издании указываются в круглых скобках.

другого. Этажи выступами громоздились над этажами. Пестрые стекла сияли и переливались в окнах самых причудливых фасонов. Какие-то лесенки круто вели к небу. Чугунные лебеди протягивали шеи из темноты. Лакированные двери, цвета крови, блестели кованой медью. Фонтаны шумели в таинственных двориках... (с. 362).

После посещения Геттингена автор дает еще один экфрасис:

Перед ратушей, освещенная косым солнцем, стоит статуя девочки с лебедем под мышкой. Из клюва лебедя бежит вода, а кругом вьется ажурная решетка, удивительно легкой работы. Статуя нежно, невинно улыбается, точно приглашая полюбоваться собой. Трудно не полюбоваться, особенно когда знаешь, что «философ двадцати двух лет», с черными кудрями до плеч, тоже когда-то любовался ею (с. 370).

По-акмеистски точно, в деталях, передаются цвет, фактура, архитектурные и скульптурные формы, к тому же — с отсылкой к пушкинскому тексту.

Однако, хотя и много красот в Германии, и хотелось заехать в Нюрнберг, сделать крюк вдоль Рейна, даже свернуть на Баварию, тем не менее, восклицает путешественник, — «домой! домой!». Из вороха дорожных впечатлений определилось, признается повествователь, одно: «...как хорошо, что я ничем не связан с этой страной, что еще сегодня я перееду ее границу <...> безотчетно скопившееся отвращение вдруг стало ясным, кристаллизовалось» (с. 370).

Эффектно использован прием контраста уже в первом очерке. Описание Шавли, с его особым, прозрачным серо-синим с розоватым отливом «еврейско-русским воздухом» (цитата из стихотворения Д. Кнута «Я помню тусклый кишиневский вечер...»), заканчивается комической репликой коридорного «Чичас». А переправившись через Неман, путешествующие оказались в Тильзите: бесчисленные красные флаги с крючками свастик, звуки военной музыки, поминутное приветствие «Гейль!». В витрине писчебумажного магазина — стальные кинжалы с поясняющей надписью: «Дорожные ножи для гитлеровского юношества» (с. 329–330). В провинции особенно видны приметы «Новой Германии»: больше коричневой формы, горшки в цветочном магазине уставлены в форме свастики, в витринах книжных — Гитлер, Геббельс, Геринг, флаги, портреты вождей. Обилие бутафорики, декораций и музыки создает атмосферу военного торжества: «С мыслью, что это ничуть не праздник, а самые обыкновенные нынешние будни, свыкнуться на первых порах трудно» (с. 333). В Шнейдемюле в кафе повествователь чувствует себя, как в казарме для ударников[2]. Дается обобщенный портрет посетителей: все очень молоды, ловки, чисто одеты, с посторонними держатся чуть покровительственно, между собой — «вымуштрованы по-военному, с каким-то еле уловимым налетом распущенности». Рассказчику они напомнили тыловых прапорщиков конца войны, которые, смотря по обстоятельствам, становились кто комиссаром, кто налетчиком — ни на красноармейцев, штурмовавших

[2] Так Г. В. Иванов называет членов «штурмовых отрядов» (СА). В Советском Союзе использовались и в русском языке закрепились термины «штурмовик СА» и «коричневорубашечник».

Зимний дворец, ни на юнкеров, его защищавших, они не похожи. Иванов заключает: «...другая человеческая тональность» (с. 333).

На улицах немецких городов, в кафе — везде, где бывал рассказчик, его удивляла плотная толпа. В Потсдаме:

> Едва выйдя на улицу, мы попали в течение плотной человеческой массы. <...> Толпа двигалась плавно, медленно <...> Она была чрезвычайно густа, люди шли локоть к локтю, плечо к плечу. Но не только не было давки, но достаточно было посмотреть на лица соседей, чтобы понять, что никакого проявления грубости или раздражения <...> здесь не может и быть. Люди шли на праздник, на торжество. Их лица сияли (они шли слушать речь Геббельса. — *Н. Б.*) (с. 354–355).

Единение нации, воодушевленной «великой национальной идеей», формирует роевое «мы-сознание» [Тюпа, с. 100–106]. Так, например, в Геттингене в старинной студенческой пивной к уже сидевшей компании в тридцать человек («Очень молодые, развязные, крикливые...» (с. 369)) направляется группа вновь пришедших: «Они не просто идут, они медленно маршируют, сильно притоптывая каблуками: и при этом хором скандируют “Deutschland für Deutschen — Nieder mit Juden” (Германия для немцев — долой евреев)» (Там же).

Любопытно, что когда повествователь сталкивается с одним-двумя немцами вне толпы, они оказываются совсем другими. Однажды утром в деревушке их машина случайно задела молодого ударника на мотоциклетке. Впрочем, обошлось легкой царапиной, из которой текла кровь. Автор пишет: «Был ли этот юный гитлеровец от природы кроткого нрава или на воображение его действовал бело-голубой флажок рижского автомобильного клуба <...> он, явившись из аптеки с залепленным пластырем затылком, выказал ангельский характер, был вежлив, мил...» (с. 367). Уютна деревенская корчма, где они вместе решили позавтракать: «Наивно, радушно, старомодно, патриархально, с уважением к проезжим, но и с большим чувством собственного достоинства...» (с. 368).

Однако в центре внимания автора очерков оказываются именно «русские наци». В настоящее время этот аспект русской эмиграции достаточно хорошо исследован. В антологии «Русское зарубежье против фашизма» [Русское зарубежье...] Ю. С. Цурганов пишет, что в политическом отношении русская эмиграция не была однородной. Русский Общевоинский Союз (РОВС) и казаки-«самостийники» в той или иной мере склонялись к сотрудничеству с немецкими нацистами. Существовали также Русский фашистский союз (РФС) во главе с К. Родзаевским (штаб-квартира — Харбин, печатные органы — газета «Наш путь» и журнал «Нация») и Всероссийская национал-революционная партия (ВНРП), она же Всероссийская фашистская организация, руководимая А. Вонсяцким (штаб-квартира в Томпсоне, США; печатный орган — газета «Фашист»). Впрочем, Гитлер не стал использовать русскую военную эмиграцию в войне против СССР, слишком расходились стратегические цели. В. Ю. Жуков также пишет о симпатиях некоторых слоев эмигрантов к фашизму: «К сожалению, значительная часть белой военной эмиграции сотрудничала с гитлеровцами

в надежде на помощь в освобождении родины от коммунистического режима...» [Жуков, с. 21]. О праворадикальных течениях, в том числе о Российском освободительном национальном движении, пишет В. А. Митрохин [2008]. Характеристику РОНДа[3] дает В. М. Недбаевский, указывая те причины, по которым именно молодое поколение эмигрантов испытывало интерес к фашизму: нищенские условия существования; тяжелая, малооплачиваемая работа в условиях неравной конкуренции с гражданами Германии; ущербность правового статуса «лица без гражданства»; безработица и постоянная неуверенность в завтрашнем дне неизбежно влекли за собой стремление к моральной, духовной, психологической «реабилитации». Профашистские идеи, тесно переплетавшиеся в сознании российской эмигрантской молодежи с идеей «национального возрождения» России, являлись наиболее «подходящими» для этой цели [Недбаевский]. И. З. Белобровцева приводит материал о фашистской организации в Харбине («Союз фашистских крошек», 1934), которая воспитывала в соответствующем духе детей от трех до десяти лет, причем идеология складывалась не только под влиянием итальянского и немецкого фашизма, но «отзеркаливала» лозунги коммунистического воспитания детей:

> Но если люди, умудренные жизненным опытом, со сложившейся системой убеждений, непоколебимой шкалой ценностей, к тому же располагавшие достаточной информацией, понимали фарсовый характер, то имелась аудитория, которой идеологию ВФП легко было представить как романтическую, самоотверженную борьбу за национальные и религиозно-нравственные ценности — этой аудиторией были дети, с их неискушенным сознанием, легко впитывающим любые мифы [Белобровцева].

Георгий Иванов опережал современных историков, описывая фарсовый характер русского фашизма, «хлестаковщину» его лидеров.

Писатель прекрасно понимал, что толкало бедствующих русских эмигрантов на собрания и в ряды РОНДа. Об этой организации повествователь прочитал в газетке, купленной на улице и называвшейся «Руссланд эрвахе ин дэйтше шпрахе» — «Россия, проснись... на немецком языке», иронично переводит автор (с. 337). Огромный зал для собраний полон народа, собралось не менее 500 человек — но стоит страшная, какая-то противоестественная тишина. Автор признается, что нигде не видел столько потухших глаз, общей замученности и безнадежности, как на заседании «Ронда». Люди приходят сюда потому, что «Ронд» обещает работу. Кругом царит произвол, по самому вздорному доносу человека отправляют в концентрационный лагерь, а «Ронд» обещает свои членам защиту. С приходом Гитлера к власти всякая общественная жизнь в среде русских эмигрантов прекратилась, и «Ронд» — единственное место, где все-таки говорят на русском языке, говорят о России. Трескучая болтовня рондовских фатеров действует как наркотик на издерганные нервы людей. Однако крики

[3] РОНД — Российское освободительное национальное движение. Отметим, что Иванов вместо аббревиатуры пишет как имя собственное — «Ронд», т. е. круг по-французски, что соответствует мифологическому, «роевому» мы-сознанию.

«Слава России!» сменяются равнодушной тишиной, как только начинается сбор членских взносов и пожертвований.

Историю своей жизни поведал автору русский, встреченный в Потсдаме. В 1920 г. он перешел границу, очутился в Литве, оборванный, без денег, питался подаянием. В Восточной Пруссии батрачил в имении, копал торф, рыл канавы, работал в соляных шахтах. И стал он задумываться: он бежал от коммунистов, их он ненавидит, потому что они разрушили прежнюю Россию. Но в словах коммунистов об эксплуататорах есть правда, это парень прочувствовал на своей шкуре. И капиталистов, не дающих ему сейчас жить, он ненавидит еще больше. Потому и примкнул он к социал-демократам. Но при первом же сложном случае (уволили без предупреждения) эта партия отказалась его защищать, боясь влиятельного предпринимателя. И тогда этот молодой человек подался к национал-социалистам, где и обрел веру в новую жизнь и надежду на возвращение в Россию.

Есть и другие варианты, например, барон Н. банкир, совладелец кинофирмы, член многих акционерных обществ. Над его замком в горах развевается флаг со свастикой, за обедом они с женой произносят перед гостями фразы о величии Гитлера, но в атмосфере замка чувствуется растерянность. Слишком много в деловых партнерах барона было людей неарийской крови, евреев. Теперь банк на грани закрытия, прогорает и другой бизнес. Автор подмечает, что впервые в жизни этот человек, «холодный, злой, самоуверенный» (с. 365), растерян, хотя и поблескивает в петлице его пиджака розетка национал-социалистической партии.

Центральную часть очерков занимает карикатурное изображение руководителей «Ронда». Гротескно описан визит к Бермонт[4]-Авалову, «герою Митавы» (откуда ему со своими солдатами — немцами, переодетыми в белогвардейцев, пришлось срочно отступить, взорвав Митавский замок напоследок; причем эту авантюру с переодеванием ради взятия Риги придумал ротмистр фон Розенберг [Прибалтийское шапито...]). Иванов пишет:

> Бермонт-Авалов человек стильный. У него живописная внешность. Гордость взгляда и достоинство осанки замечательны. Сдержанно-благородные жесты выше похвал. На белом коне, перед пылающим бироновским дворцом, он, должно быть, выглядел преэффектно (с. 339).

Сидит председатель «Ронда» в кабинете «с осанкой будущего диктатора», курит дорогие сигары (подарок Розенберга, чей портрет с автографом стоит у него на столе). Поминутно заходит бравый ординарец и докладывает о телеграмме из Мюнхена, телефонограмме из Министерства иностранных дел, о письме из Сан-Паоло — но рассказчику ясно, что этот спектакль разыгрывается уже не в первый раз. В кассе «Ронда» пусто, положение Бермонт-Авалова крайне непрочно. Иванов передает длинные разглагольствования «диктатора» — взвинченный тон, бессвязные предложения, наивное хвастовство, необразованность. Он не только нюхает английскую соль, но и потребляет таблетки — «коку и колу»:

[4] Именно так Г. В. Иванов пишет фамилию Бермондта.

> Не раскусывайте, глотайте так. <...> Дорогие союзнички вопят: Германия вооружается, Германия строит аэропланы, Германия выделывает газы. И врут, само собой, как утопленники. Не газы выделывает Германия, а коку и колу — возбудитель энергии, очиститель крови. В этом ее мировая миссия. И мы — без грызни и распрей — должны ей помочь (с. 340).

Помпезно был украшен зал, в котором проходило собрание «Ронда»:

> Два саженных знамени — бело-голубое и красно-бело-черное — декоративно скрещены на заднем плане. Между ними распростерты черные крылья стилизованного двуглавого орла. На большой короне, венчающей герб Российской империи, топорщатся крючочки свастики. Еще выше — поясной портрет Гитлера... (с. 344).

В атрибутике «Ронда» «немножко много всего», едко замечает автор.

Не менее карикатурно показан Вонсяцкий, вождь русских фашистов в Америке, больше всего заботящийся о саморекламе. Он стремительно вбегает на трибуну с высоко поднятой правой рукой, плотный, широкоплечий, в фантастической полувоенной-полуспортивной форме. Он «кричит, орет, выплевывает слова с невероятной быстротой и грохотом». Его речь — набор общих мест и лозунгов, с непрестанным повторением, наподобие мантры, возгласа «Слава России!». По мнению Иванова, это мелкий человек, одержимый манией величия, самовлюбленный и глупый.

Но совершенно анекдотично представлен групфюрер Генрих Пельхау. Основатели «Ронда» Щербина и Дмитриев обратились к берлинскому «гаулейтеру» с просьбой прислать «для связи» какого-нибудь немца, знающего русский язык. Им и прислали Пельхау — молодого, психически больного человека, неудачно пытавшегося стать в Берлине актером. Он моментально произвел переворот, объявив себя «единственным вождем русского национального освободительного движения», сместив Щербину и Дмитриева. Он издал манифест (плоховато владевший русским языком, он старался говорить в стиле «ой ты гой еси»). В манифесте черным по белому написал, что вождем, который спасет Россию, будет он, Генрих Пельхау, отныне — Андрей Светозаров: «Я отвечаю только перед Богом, Россией и своей совестью...» (с. 349). Светозаров убежден, что стоит ему перейти границу России, как ему присягнет Красная армия, под звон колоколов въедет он в Кремль. А основой политической программы Светозарова был, пишет Иванов, как ни странно, «Всероссийский братский поцелуй». Чтобы добыть средства для «Ронда», Пельхау устраивал «грандиозные представления в берлинском Луна-парке, где играли русские балалаечники "Ухарь-купец", где пел русский хор "Волга-Волга", а Генрих Пельхау, он же Андрей Светозаров, появлялся на сцене на фоне потрясающих декораций, и над ним всходило красное электрическое солнце» (с. 351).

Иванов приводит слова «культурнейшего И. А. Ильина», отказавшегося вступать в «Ронд», поскольку «в организацию растленной сволочи он не вступает!». Рондовцы ему тут же припомнили остроты о «родине и рондине», о «Луна-парке

и лупанарке» (с. 351), хотели арестовать, но Ильин уехал отдохнуть в Италию. Впрочем, «Ронд» скоро был закрыт по требованию хмурого Федора Хинчука (это полпред СССР в Германии, расстрелянный в 1939 г.).

Итак, в русском фашизме преобладают фарс, хлестаковщина, политиканство дурного пошиба — к тому же и неудавшееся. Однако в очерках совершенно отчетлива еще и другая тональность — тревога и мрачные предчувствия. Картины Германии занимают большую часть очерков, «прочие» страны даны только в начале пути (Митава) и в конце (Франция). Между началом и концом есть перекличка: и там, и там — нерасторопные служащие, плохие гостиницы, что резко контрастирует с порядком в Германии (так, немецкая почта по-прежнему работает идеально, а гостиницы чисты и удобны). Возникает ощущение, что эти сопредельные страны будут поглощены «витальным» натиском объединившейся немецкой нации. Особенно трагично это предчувствие относительно Шавли, с его «еврейско-русским воздухом». Моменты сходства только подчеркивают разительное отличие. В Шнейдемюле рассказчик гуляет вечером по главной улице, — разумеется, улице Адольфа Гитлера. Так же гулял он и в Шавли. Но там это были местечковые франты и барышни, а здесь молодцеватые гитлеровские дружинники со своими арийскими подругами:

> Те же самые осенние звезды смотрели на эту мирную картину, и с террасы кафе плыли звуки венского вальса, которые, конечно, играют и в Шавли, старомодного вальса, сочиненного еще в те времена, когда расовую ненависть считали, по отсталости, варварским пережитком (с. 336).

Композиционное кольцо составляют картины следов войны, так и не стершихся за 15 лет. В первом очерке: «Кресты братских кладбищ. Лес, исковерканный орудийным огнем. Остатки окопов, клочья колючей проволоки, стены сожженных фольварков» (с. 324). В конце:

> Путешествие кончается. И опять, как в самом начале его, под Митавой, мелькают по сторонам дороги стены сожженных ферм, кресты братских кладбищ, леса, исковерканные орудийным огнем. За 19 лет усилия людей и природы все еще не стерли зловещих следов войны. Зато подросла молодежь. Ей так нравится военная музыка, блеск оружия, распущенные знамена, патриотические фразы... (с. 372).

И все же, наверное, самый первый очерк несколько корректирует пессимистическую авторскую позицию. В Митаве был замок Бирона, всесильного временщика Анны Иоанновны. В 1737 г. Бирон был провозглашен великим герцогом Курляндским, хотя и происходил из мелкопоместных дворян. Бирон взорвал прежний герцогский замок, чтобы Растрелли воздвиг ему новый, совершенно роскошный дворец. Строительство растянулось на 21 год. Бирон в 1741–1742 гг. отбывал ссылку в Пелыме, потом в Ярославле, был восстановлен в герцогстве после воцарения Екатерины II. Но и Растрелли не закончил строительства — умерла его жена, он вернулся в Италию. Престарелый Бирон только шесть месяцев проживет в новом дворце. Во время Первой мировой

войны замок был сожжен войсками Бермондт-Авалова[5]. Осенью 1933 г., когда в Митаве был Иванов, замок, взорванный Бермондт-Аваловым, только еще начинал реставрироваться латвийским правительством. Автор очерка сообщает, что с 1825 г. в этом замке поселился курляндский губернатор, приказавший вынести мумию Бирона в кладовую, где она хранилась среди всякого хлама почти сто лет. От владычества красных сохранилась фотография: мумия Бирона стоит во весь рост у стены, на голове немецкая каска, в провале рта — трубка, по бокам два хохочущих красноармейца (с. 327). Когда Бермонт, пишет Иванов, жег Митаву, мумия валялась перед пылающим замком. Потом ее подобрали и снова отнесли в кладовую. Только в 1933 г. серебряный гроб в стиле рококо был зарыт в землю на обывательском кладбище. Монструозный образ Бирона Г. Иванов рисовал уже ранее, в «готической» новелле «Трость Бирона» [Кайсарова].

Эта трагифарсовая история посмертных приключений всемогущего некогда Бирона невольно наводит на мысль: всякому тирану уготовано возмездие.

Подводя итоги, скажем, что Георгий Иванов глубоко прочувствовал трагедию немецкого народа, соблазненного идеей величия нации. Писатель предчувствовал Вторую мировую войну. С сожалением, несмотря на весь сарказм страниц, посвященных РОНДу, Иванов написал о бедствующих русских эмигрантах, готовых вступить в фашистскую организацию. У этой организации не было ни средств, ни будущего, вся история выглядит абсурдной авантюрой на грани фарса. Рассказчик бесконечно рад пересечь границу Франции и вздохнуть свободно. Впрочем, Иванову довелось пережить и оккупацию Франции. Вместе с тем, согласно данным историков, в составе армий Антигитлеровской коалиции и в рядах Сопротивления участвовали от 3 до 6 тысяч российских эмигрантов, из них около 3 тысяч — во французской армии.

Источники

Иванов Г. В. По Европе на автомобиле // Иванов Г. В. Собр. соч. : в 3 т. М. : Согласие, 1994. Т. 2. С. 324–372.

Прибалтийское шапито 1919 года // Военное обозрение. URL: https://topwar.ru/41177-pribaltiyskoe-shapito-1919-goda.html (дата обращения: 08.02.2022).

Исследования

Бавильский Д. В. Невозможность путешествий. М. : Новое литературное обозрение, 2013.

Беглые взгляды. Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века : сб. ст. / под ред. В. С. Кисселя. М. : Новое литературное обозрение, 2010.

Белобровцева И. З. Русский фашизм в зеркале русского большевизма: Натаска фашистских «крошек» // Культура русской диаспоры: эмиграция и мифы : сб. ст. / ред.-сост.: А. Данилевский,

[5] И тут не обошлось без маскарада: 9 декабря 1919 г. красные вошли в Ригу, однако в мае Ригу снова заняли немцы и двинулись на Эстонию. Но по требованию Антанты немцы, вопреки своим надеждам на поживу, вынуждены были уйти из Латвии. И тогда Западная добровольческая армия, которой командовал Бермондт, пополнилась переодетыми в белогвардейскую форму немцами и двинулась на Ригу. Взять ее они так и не смогли.

С. Доценко. Таллинн : Изд-во Таллиннского ун-та, 2012. (Acta Universitatis Tallinnensis. Humaniora). С. 122–131. URL: https://www.tlu.ee/pood/index.php?controller=attachment&id_attachment=15/ (дата обращения: 27.03.2022).

Гуминский В. М. Литературный энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1987.

Елагина О. Е. Проза Георгия Иванова: особенности поэтики : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 2012.

Жуков В. Ю. Зарубежная Россия: эмиграция и эмигранты // Русская эмиграция и фашизм: статьи и воспоминания / отв. ред. и сост. В. Ю. Жуков ; науч. ред. В. Ю. Черняев. СПб. : СПбГАСУ, 2011. С. 11–22.

Кайсарова М. В. Петербургский миф в новелле Георгия Иванова «Трость Бирона» // Уральский филологический вестник. 2020. № 3. Серия «Драфт: молодая наука». С. 80–94.

Крейд В. П. Георгий Иванов. М. : Молодая гвардия. 2007. (Серия ЖЗЛ).

Литература путешествий: культурно-семиотические и дискурсивные аспекты : сб. науч. ст. / под ред. Т. И. Печерской. Новосибирск : Гаудеамус, 2013.

Мамуркина О. В. Травелог в русской литературной традиции: стратегии текстопорождения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9. С. 227–234.

Митрохин В. А. Праворадикальные течения в российской эмиграции конца 1930-х годов (обзор концепций) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 1. С. 117–119.

Михайлов В. А. Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях русских писателей XVIII–XIX веков : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Волгоград, 1999.

Мосешвили Г. И. Комментарии // Иванов Г. В. Собр. соч. : в 3 т. Т. 2. М. : Согласие, 1994. С. 458–461.

Недбаевский В. М. Духовные и организационные проявления фашизма в среде российской эмиграции в Германии // Новый исторический вестник. 2000. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnye-i-organizatsionnye-proyavleniya-fashizma-v-srede-rossiyskoy-emigratsii-v-germanii/viewer (дата обращения: 05.12.2021).

Русское зарубежье против фашизма : в 2 т. / отв. ред. А. Б. Безбородов ; сост., предисл., коммент. Ю. С. Цурганова. М. : Русский мир, 2005. Т. 2.

Сид И. О. «Власть маршрута»: путешествие как фундаментальный антропологический феномен // Труды русской антропологической школы. Т. 13. М. : РГГУ, 2013. С. 27–35.

Тюпа В. И. Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике М. : Языки славянской культуры, 2010.

Эткинд А. М. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М. : Новое литературное обозрение, 2001.

References

Bavil'sky, D. V. (2013). *Nevozmozhnost' puteshestvii* [Travel Impossibility]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Belobrovtseva, I. Z. (2012). Russkii fashizm v zerkale russkogo bol'shevizma: nataska fashistskikh "kroshek" [Russian Fascism in the Mirror of Russian Bolshevism: Coaching Fascist Little Ones]. In A. Danilevsky, & S. Dotsenko (Eds.), *Kul'tura russkoi diaspory: emigratsiia i mify* [The Culture of the Russian Diaspora: Emigration and Myths] (pp. 122–131). Tallinn: Tallinn University. Retrieved from https://www.tlu.ee/pood/index.php?controller=attachment&id_attachment=15

Bezborodov, A. B., & Tsurganov, Yu. S. (Eds.). (2005). *Russkoe zarubezh'e protiv fashizma* [Russian Diaspora against Fascism] (Vol. 2). Moscow: Russkii mir.

Elagina, O. E. (2012). *Proza Georgiia Ivanova: osobennosti poetiki* [Georgy Ivanov's Prose: Features of Poetics] (doctoral dissertation). Moscow.

Etkind, A. M. (2001). *Tolkovanie puteshestvii. Rossiia i Amerika v travelogakh i intertekstakh* [Travel Interpretation. Russia and America in Travelogues and Intertexts]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Guminsky, V. M. (1987). *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Literary Encyclopaedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia.

Kaisarova, M. V. (2020). Peterburgskii mif v novelle Georgiia Ivanova "Trost' Birona" [Petersburg Myth in Georgy Ivanov's Short Story *Biron's Stick*]. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriia "Draft: molodaia nauka"*, 3, 80–94.

Kissel', V. S. (Ed.). (2010). *Beglye vzgliady. Novoe prochtenie russkikh travelogov pervoi treti XX veka* [Quick Glances. A New Reading of Russian Travelogues of the First Third of the 20th Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Kreid, V. P. (2007). *Georgy Ivanov*. Moscow: Molodaia gvardiia.

Mamurkina, O. V. (2013). Travelog v russkoi literaturnoi traditsii: strategii tekstoporozhdeniia [Travelogue in the Russian Literary Tradition: Text Generation Strategies]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 9, 227–234.

Mikhailov, V. A. (1999). *Evoliutsiia zhanra literaturnogo puteshestviia v proizvedeniiakh russkikh pisatelei XVIII–XIX vekov* [The Evolution of the Genre of Literary Travel in Works of Russian Writers of the 18th–19th Centuries] (doctoral dissertation). Volgograd.

Mitrokhin, V. A. (2008). Pravoradikal'nye techeniia v rossiiskoi emigratsii kontsa 1930-kh godov (obzor kontseptsii) [Right-Wing Radical Trends in Russian Emigration in the Late 1930s (Review of Concepts)]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo untiversiteta*, 1, 117–119.

Moseshvili, G. I. (1994). Kommentarii [Comments]. In G. V. Ivanov, *Sobranie sochinenii* [Writing Collection] (Vol. 2, pp. 458–461). Moscow: Soglasie.

Nedbaevsky, V. M. (2000). Dukhovnye i organizatsionnye proiavleniia fashizma v srede rossiiskoi emigratsii v Germanii [Spiritual and Organisational Manifestations of Fascism among the Russian Emigration in Germany]. *Novyi istoricheskii vestnik*, 1. Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnye-i-organizatsionnye-proyavleniya-fashizma-v-srede-rossiyskoy-emigratsii-v-germanii/viewer

Pecherskaya, T. I. (Ed.). (2013). *Literatura puteshestvii: kul'turno-semioticheskie i diskursivnye aspekty* [Travel Literature: Cultural-Semiotic and Discursive Aspects]. Novosibirsk: Gaudeamus.

Sid, I. O. (2013). "Vlast' marshruta": puteshestvie kak fundamental'nyi antropologicheskii fenomen ["The Power of the Route": Travel as a Fundamental Anthropological Phenomenon]. In *Trudy russkoi antropologicheskoi shkoly* [Proceedings of the Russian Anthropological School] (Vol. 13, pp. 27–35). Moscow: RGGU.

Tyupa, V. I. (2010). *Diskursnye formatsii: Ocherki po komparativnoi ritorike* [Discourse Formations: Essays on Comparative Rhetoric]. Moscow: Iazyki slavyanskoi kul'tury.

Zhukov, V. Yu. (2011). Zarubezhnaia Rossiia: emigratsiia i emigranty [Foreign Russia: Emigration and Emigrants]. In V. Yu. Zhukov, & V. Yu. Chernyaev (Eds.), *Russkaia emigratsiia i fashizm: stat'i i vospominaniia* [Russian Emigration and Fascism: Articles and Memoirs] (pp. 11–22). St Petersburg: SPbGASU.

Барковская Нина Владимировна
доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания
Уральский государственный педагогический университет
620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: n_barkovskaya@list.ru

Barkovskaya, Nina Vladimirovna
Dr. Hab. (Philology), Professor
Department of Literature and Methods of Teaching It
Ural State Pedagogical University
26, Kosmonavtov Ave., 620017 Ekaterinburg, Russia
Email: n_barkovskaya@list.ru
https://orcid.org/0000-0001-9131-5937
Scopus AuthorID: 57194500392
WoS ResearcherID: G-6911-2018